

УДК 811.114

«ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ АКУСМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
vera_kharchenko@mail.ru*

На материале разговорных реплик, зафиксированных в 2012-2014 гг., исследуются особенности сентенций в разговорном дискурсе, их тематика, виды и тропическое сопровождение.

Ключевые слова: разговорный дискурс, сентенция, акусматическая культура, метафора.

Введение

При всей своей дробности, кажущейся «случайности», непреднамеренности (спонтанности) разговорная речь может выступать полигоном исследования всего того, что, фокусируясь в соответствующих терминах, попадает в исследовательскую сферу такого типа текста, как «рассуждение». Терминами, напрямую относящимися к рассуждению, являются «максима», «афоризм», «сентенция», фокусирующие квинтэссенцию той или иной реплики, хотя рассуждение возможно и без «подведения итога», в таком случае оно приближается к размышлению и обнаруживает свойства фрактала – объекта с весьма причудливыми, размытыми границами. В следующей реплике афоризма как такового нет, но элементы рассуждения присутствуют. [Женщина лет 35 с дочкой лет 6 идут с праздничной площади:] *Приведи в порядок и сделай себя красивую девчонкой. Ты же красивая девчонка!* (09.05.2014).

Изучение афоризмов имеет давнюю традицию, см.: [1, с. 193 – 196]. Особенность этой традиции – обращение к книжной культуре, к художественному и публицистическому дискурсам. Разговорный дискурс в этом отношении изучен недостаточно, поскольку расслышать и почти сразу максимально точно зафиксировать афоризм, прозвучавший в устах попутчика, прохожего, знакомого, коллеги, не так просто, тем более непросто накопить корпус подобных афористических высказываний, которые в записи принимают облик разговорных афористических миниатюр. По особенностям рассуждения также появились свежие публикации [2, с. 170 – 189; 3]. Значительный объём литературы теоретического характера накоплен современной коллоквиалистикой, при этом тематика исследований разговорного дискурса весьма разнообразна: это метафоры и словотворчество, фразеологизмы и поговорки, междометия и дискурсивные слова. Есть исследования речи школьников, особенно привлекает лингвистов жаргонная составляющая [4], речи студентов, в частности в аспекте словотворчества [5], речи представителей различных профессий, например исследование профессиональных метафор в устах врачей [6]. В лингвистике разговорного дискурса безусловным достижением является выделение как отдельного речевого жанра бытового разговора («разговора по душам») [7; 8]. Исследован речевой жанр «болтовни» у детей младшего школьного возраста [9; 10]. В совокупном корпусе объектов живой разговорной стихии «рассуждения» несколько теряются, если не выделять и не исследовать их отдельно, особо, прицельно, что мы и пытаемся предпринять.

Основная часть

Целью статьи является анализ специфики рассуждений в репликах живой разговорной, то есть спонтанной речи последнего периода (2012 – 2014 гг.). Признаком наличия рассуждения, эксплицитированного или имплицитного, будем считать итоговую формулу – афоризм, максиму, сентенцию. В исследовании эти термины мы используем как

проксонимы, акцентируя их сходство. Живую разговорную речь мы фиксируем в жанре бытового разговора, но не обходим вниманием и реплики «производственного» и «околонаучного» общения, коль скоро в них соблюдено условие спонтанности.

Гипотеза исследования заключается в том, что в разговорном дискурсе таится немало сентенций, которые отличает не только своеобразие формы (порядок слов, включение хезитативов, возможная неполнота синтаксических структур), но также своеобразие содержания. Характеризуя ситуацию, говорящий может предложить формулу, которая в «официальной» книжной культуре или отсутствует, или труднодоступна, неизвестна широкому кругу читающих. Задачей прикладной филологии может стать фиксация, сбор и систематизация таких эвристических разговорных находок. Планируя выявлять своеобразие «спонтанных» рассуждений, сделаем предварительно как минимум три терминологических уточнения.

Применительно к определяемому термину «сентенция» характеризующее терминологическое определение «спонтанный» мы заключаем в кавычки отнюдь не случайно. В спонтанных диалогах носители языка делятся своими соображениями, многие из которых, как правило, ранее лично сформулированы, выстраданы, апробированы. Спонтанна ситуация, но итоговое, может быть, неожиданное для адресата рассуждение спонтанным считать можно с известной долей условности. [Учительница из Краснодара в гостях:] **Если бог послал тебе проблему, значит, ты в состоянии с ней справиться! Лени – это зло. А когда тебя что-то возмутит, то и лени нет!** (07.05.2012).

Следующее уточнение связано с необходимостью терминологизации такого слова, как «болтовня» с его ярко выраженной пейоративной коннотацией. Термины «рассуждение» и «болтовня», на первый взгляд, едва ли не противоречат друг другу. Однако лонгитюдное, на протяжении уже более двадцати лет, изучение разговорной стихии свидетельствует, что не только в публицистическом и художественном дискурсах, но и в обычном общении присутствует немало эвристики, немало открытий, подсказок, сентенций, со стороны адресанта с явным удовольствием передающих их, как эстафету, своему собеседнику, адресату. Такой информативный материал, повторим и подчеркнём, требует фиксации и отдельного анализа. Феномен бытового разговора, болтовни, тем более разговора по душам не исключает приобретения нового знания, коррекции понимания, обоснования более (наиболее!) грамотного выбора, выхода из той или иной сложившейся ситуации. [Доцент коллеге по телефону:] **Но это не самое главное в жизни, скажем так! Самое главное в жизни – это сама жизнь! И надо сделать её приятной!** (26.07.2014).

Ещё одно уточнение касается трактовки терминов «рассуждение» и «сентенция». При исследовании разговорных сентенций приходится ориентироваться на теорию рассуждения, которое изучают и в логико-философском аспекте [2, с. 170 – 180], и в лингвистическом, в частности фонетико-интонационном [3]. «Обычно под рассуждением, – пишет Е.А. Кротков, – имеют в виду умозаключение, или логический вывод. Между тем рассуждать (здорово) – значит формулировать вопрос и искать ответ: объяснить какое-либо непонятное явление, аргументировать свою точку зрения, строить прогноз на будущее etc. Ничего из названных когнитивных фигур в умозаключениях самих по себе нет». Завершается статья следующим тезисом: «В реальном дискурсе (повседневном и научном) фигурируют, как правило, содержательные умозаключения, в которых логическая связь между посылками и заключением специально не отслеживается» [2, с. 170, 179]. В разговорном дискурсе рассуждение присутствует, как правило, в свёрнутом виде. Рассуждение – это логическая цепочка высказываний, тогда как сентенция есть не что иное, как кульминация рассуждения, эксплицируемого или, что чаще, скрытого, рассуждения сиюминутного или, что чаще, сформулированного ранее, неоднократно обдуманного. Например: [На пляже женщина лет 45 и мужчина лет 60:] **Ты дедушкой будешь? – Да я ещё не осознал. Неожиданно всё. Женщина как инстинкт, у неё всё по инстинкту! А будут у нас жить – как мне?** [С грустной улыбкой:] **В трусах по комнате не пройдёшь...** (29.05.2014).

В абсолютном большинстве высказываний с сентенциями «посылки» скрыты, они пребывают в пресуппозиции, образуя импликационал высказывания, но сам речевой жанр сентенции выступает при этом достаточно определённо. В общем корпусе разговорного дискурса этот жанр, необходим как альтернатива использованию готового знания (блоков цитат, пословиц, фразеологизмов). Ставя проблему «Генерирование или трансфер знаний: что важнее?», И. Т. Касавин подчёркивает, что «чистого перцептивного», концептуально стерильного знания не существует вообще [11, с. 51]. Так, восхитившись выражением «*Любовь тренируема!*», от собеседницы мы услышали признание: «*Это не моё, это на лекции говорил один психолог!*» Так что «степень авторства» реплик-откровений бывает весьма условной, но здесь просматриваются три аспекта ценностного характера.

Во-первых, собеседник выступает популяризатором, на его взгляд, слабо артикулируемых умозаключений. [Профессор, женщина 49 л.:] *Оказывается, мы себя программируем на короткую жизнь, и поэтому мы рано умираем. Организм служит мозгу, когда мозг занят будущим. Как только мозг теряет смысл, организм умирает. Мы должны видеть эту картинку!* (05.03.2013).

Во-вторых, автор реплики-сентенции выступает рупором собственных аутологонгов по принципу: помогло мне – поможет и близкому мне человеку (а подчас и незнакомому!). Здесь мы сталкиваемся с феноменом «гносеологической робинзонады» [11, с. 11 – 12], то есть права на индивидуальное знание. [Подруги лет 17 идут по рынку. О покупке новых вещей:] *Надо ещё нарядиться. А это, между прочим, самое сложное!* (29.06.2014).

В-третьих (это следствие «первого» и «второго»), произносящий сентенцию выступает, что немаловажно, но что незаметно и скрыто, ещё и корректором «коллективного бессознательного». [Гостя, учительница из Краснодарского края:] *Мы тоже собираем, когда у кого что (стряслось). И одна говорит: лучше давать, чем просить. Все мы под Богом ходим. Моя мама говорит: Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать. А у нас: «Я чуть с ума не сошла!», «Да иди ты!»...* (07.05.2012). В приведённой реплике контактируют «чужое слово» (*И одна говорит...; Мама говорит...*), паремия (*Все мы под Богом ходим*) и новое наблюдение психологического характера (*Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать*), вполне претендующее на миниуправление коллективным бессознательным.

Чтобы воздействие, управление состоялось, нужна эвристика и содержания рассуждения, и самой формы. «Гносеологическая робинзонада» проявляется в таком содержательном признаке афоризма, как его парадоксальность. Парадоксальность равно свойственна и книжным, и изустным, акусматическим сентенциям как ведущий признак микрожанра. Оказывается (пример выше!), самое сложное – нарядиться! Оказывается, квартира не дом, а жизнь – это несоответствия! [Профессор на защите дипломных работ:] *В дворянских семьях раньше было библиотека наследует (sic!) правнукам-переправнукам. Наследуется! Дома нет! Наши квартиры не дом!* (25.06.2014). [Доцент перед публичным чтением своих стихов:] *Я расскажу о своих несоответствиях. Потому что жизнь – это несоответствия. Когда всё симметрично, жизни нет* (19.11.2013).

Что касается формы выражения и передачи «личностного знания», то в ней тоже нередко отмечается логический сбой во имя яркости передаваемой мысли: *ходить ногами, надо хохотаться*. [Сотрудник финансового управления секретарю, забывая подписанную бумагу:] *Так что лучше ногами ходить? – Да. – Так мы всегда ходим ногами* (сами всё относим), *а всё равно оказывается, что не зарегистрировано!* (20.06.2014). [Радиожурналист и оператор, готовясь к интервью, о знакомом и о ценности юмора:] *Он, вообще-то, сухарёк такой. Заходит, а мы смеёмся! Да, надо хохотаться, как у нас один говорил!* (04.07.2014).

Разумеется, любого исследователя больше интересует своеобразие мысли и слова применительно к изучаемому дискурсу ли, жанру, идиостилю. Однако в тех же разговорных предложениях проявляются и общие характеристики национального менталитета. [Вахтёр и комендант общежития:] *Такое сало вкусное! Я, наверное, Вам подарю! – Вера Тихоновна! Ну нельзя ему сало! – Татьяна Васильевна! Можно всего немножко! – Но «немножко» у нас не понимают!* (28.12.2013). [На рынке мужчина лет 68 и продавщица лет 40:] *Филе грудинки! – Побольше? Поменьше? – Побольше! Брат так уж брат! – Гулять так гулять!* (продавщица подхватывает реплику, смеётся) (31.08.2014). Признаком национального менталитета россиян является не только размах желаний и действий, о которых минуту назад ещё не помышляли, но и боязнь сглазить вдруг обнаруженное хорошее. На лицо более чем осторожное обращение с позитивом, даже нежелание фиксировать его, расценивая как «нормальное». [На перроне женщина лет 45 с мужем здоровается с путём:] *Как ты? – Нормально!* [Отошли, женщина говорит мужу:] *Нормально – это уже хорошо!* (видимо, тот человек страдает алкоголизмом) (23.04.2012).

Обратимся теперь к специфике исследования материала, влияющей на интерпретацию самого материала. Трудность сбора материала, обнаружения «личностного знания», выведенного говорящим «опытным путём» заключается в трёх следующих обстоятельствах.

Во-первых, предложения пластично включены в разговорный ряд, не сразу бросаются в глаза, они не очень заметны, поскольку наставление адресуется собеседнику, а это этически тонкий момент, без подчёркивания сильной позиции «советчика». Эта пластика проявляется в наличии слов-хезитативов (*короче, вот, это, это самое*), междометий (*жесть, опа-на, ой*), проявляется в паузировании, в неполноте реплик, то есть в явном или интуитивном, неявном стремлении каким-либо образом приглушить, скрыть «поучительность». Незатейливое, непринуждённое контекстуальное окружение, сбой в синтаксисе парадоксально высвечивают всю актуальность и всю глубину высказанного наблюдения, сомнения, обобщения. [Мужчина лет 80 двум женщинам-ровесницам, гуляя по парку, о молодёжи и компьютерах:] *Я думаю, всё в порядке! Кто в электронике в этой побыл – значит человека нет уже!* (06.11.2013).

Во-вторых, «личностное знание» предполагает «интим», потаённость, оно идёт по ведомству «разговора по душам». Этот речевой жанр в последнее десятилетие, повторяем, стал исследоваться, однако закрытость львиной доли самого материала и, соответственно, закрытость особенностей информирования создают серьёзные препятствия пополнению фонда. Например, записав следующую реплику, «схватив», сохранив её, мы не владем ситуацией, что именно подразумевалось под словами: *Грамотный не в ту сторону*. [Работники РЭУ лет 50 по дороге о ком-то:] *Все его хва-алят! Расхоро-оший такой, грамотный! – Грамотный не в ту сторону!* (21.06.2014).

В-третьих, ставя проблему личностного знания, мы сталкиваемся с феноменом «чужого слова». Здесь надо учитывать и литературоцентричность российского менталитета, и словоцентричность. Автор высказывания нередко цитирует то, что читал, но также и то, что слышал от других, что сохранил в памяти как ценное и интересное. В этом плане само по себе подключение пословицы может рассматриваться как пример рассуждения, хотя наличие пословиц может затмевать для собирателя материала лично выведенные рядовым носителем языка формулы, а именно они, в нашем случае, особенно интересны. В своей монографии мы предприняли попытку наложить некоторые предложения разговорного дискурса на аналоги из книжной культуры, обосновав метод, обозначенный как метод семантической ротации [12, с. 54 – 64]. Однако ещё больший интерес представляют предложения, прозвучавшие в разговорной речи, которым мы (пока ещё!) не нашли аналогов в книжной культуре. Не исключено, что рано или поздно такие аналоги обнаружатся, однако кажущееся их отсутствие как раз и делает предложение неожиданной, даже эвристической в режиме будто бы обычной «болтовни», обычного разговора. [Молодой человек лет 28 матери по дороге

на речку:] *Сказали, что я держался за каждое слово <...> **Счастливого человека трудно оскорбить, счастливого человека только можно рассмешить!*** (16.08.2013); [О подготовке песни к юбилею факультета:] *Они говорят <...> «Что мы, клоуны, что ли?» **Да мы, преподаватели, и должны быть клоуны! Ведь шутит над собой только тот, кто уверен в себе!*** (29.10.2013).

По своему содержательному наполнению разговорные сентенции охватывают самые различные темы.

Образование: [Доцент:] *Она говорит: «Я каждый раз что-то новое!» Нет, ты не учитель! Потому что **методика – это не разнообразие, а однообразие!** Если я каждый день буду учить одно слово, то что я буду помнить? ДНК до сих пор расшифровать никто не может. Децилнуклеино... (смеётся) Не выучено!* (26.07.2012). [Открытое занятие. Профессор студентам и присутствующим коллегам:] *Конечно, это убожество. **А убожество оформления сказывается на качестве знания!*** (22.05.2013); [Учительница-словесник о враче:] *...Из паралича вытянул два года назад! У него в кабинете книги, книги, книги. Мне полшколы сказали: руку заговорили. Он мне сказал: это область неизученного. Он из звёздочек! Он говорит: «**Мозгом можно всё!** Я ведь кончил Курский мед» (неважно, где учился, а важно, как)* (01.07.2013).

Наука: [Тверь, на защите диссертации, член совета, подготовивший два вопроса, председателю:] *Если можно, я б два раза встал. Потому что **когда задаёшь два вопроса, то один страдает*** (29.10.2013). [По телефону профессор об отмене надбавок за научные успехи:] *Мы не остановимся уже! **И чем больше пишешь, тем больше знаешь, о чём писать!** Бесплатно нигде сейчас не публикуют...* (12.05.2014). [На защите женщина-профессор:] *«**Комплексный подход**» – это как **дежурное слово!*** (17.06.2014).

Политика: [Доцент о бывших работниках парткомов:] ***Комсомолец комсомольца не оставит, где-нибудь да пристроит!*** (03.05.2012); [Профессор в лифте коллеге:] *А Вы заплатили? **Демократия – это когда работают только за деньги! Сначала заплати, а потом объясняй, что надо!*** (16.05.2012).

Экономика: [Мужчина лет 75 в троллейбусе громко:] ***Раньше рабочий класс работал, крестьяне работали, и государство процветало!** А сейчас все поют! Раньше только один Марк Бернес пел, а все работали!* (27.11.2013).

Этика: [Бывший музыковед 58 лет, разговор о дочери:] *Какая она красивая, Вика! Я видела издали! – **Красота – это её культура.** Вы, когда её дома увидите – это не маска!* (29.07.2012); [В троллейбусе кондуктор лет 62 и пассажир женщина лет 40:] *Зонт положила! – Это с окна капает! – А что, это преступление – зонт положить? Кому надо – вытрут! – А мне что, ходить с тряпкой, вытирать? – Это, в конце концов, Ваш троллейбус! – У меня каждый день другой троллейбус! – **Но человеком вы остаётесь каждый день!*** (11.10.2012).

Старость: [Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито:] *Да что восемьдесят, что семнадцать! **Да какая разница, сколько лет человеку!** А то с утра приходят и начинают: Ой! Дайте для бабульки! – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков!* (13.07.2012); [О наблюдениях над француженками во время давней поездки в Канны и Ниццу:] ***После пятидесяти пяти – это картинка каждая!** До 55-и – это как мы, замухрыленные, даже иногда и с сумками в двух руках! У них такой принцип: **Чем ты старше, тем больше ты должен компенсировать своей внешностью!*** (13.08.2012).

Здоровье: [Профессор о муже:] *Он лекарства не признаёт. Говорит: **от внешних болезней – зелёнка, от внутренних болезней – уголь, а от всех болезней – бег!*** (25.05.2012). [Профессор кафедры акушерства и гинекологии, в коридоре вуза:] *К нам пришли с проверкой: где новые технологии? А я говорю: Акушерство – это самая консервативная область медицины! **Чем меньше в акушерстве будет новых технологий, тем здоровее будет нация!** ЭКО? Извините, мы не можем сады в пробирке выращивать! Потому что это медикализованные дети* (08.11.2013).

В пресуппозиции всех приведённых высказываний, к какой бы области они ни относились, присутствует идея управления, причём управления далеко не только пониманием адресата, но и в целом коллективным бессознательным. Об этом свидетельствует презумпция обобщения, заложенная в самой структуре многих сентенций. В следующей реплике спонтанного диалога говорится о кошке, но мысль легко может быть спроецирована и на поведение человека: [Разговор с учительницей о дворежном коте:] *Мы сначала думали, что это кошка. А это кот. Марс! Кот, который понял, что надо выживать, а чтобы выживать, надо нравиться людям. Но он и по природе такой добрый и ласковый* (07.08.2012). В другом высказывании речь идёт о члене диссертационного совета, но проецируется это на семейные и служебные отношения. [По телефону профессор о дис.советах:] *Я понимаю, что внутри там не всё гладко. Но внутри отношения всегда сложнее, чем внешние!* (01.06.2013).

Когда содержательная часть итоговых реплик совпадает, то интересно рассматривать многообразие их языкового воплощения. [Прощаются у поезда. Женщина лет 48 мужчине лет 60, дотрагиваясь до руки и с широкой улыбкой:] *А внушки, девочки, они слаще!* (24.07.2014). [Доцент 55 л., поздравляя:] *Всё-таки девочка лучше! Ожидание какое-то... Надежда, что поймёт тебя. Всё-таки девочка есть девочка!* (11.09.2012).

Особенность спонтанных рассуждений заключается не только в том, что они инкрустированы в пространство будто бы обычной болтовни, но и в том, что они включают в себя не только «когниции», но и эмоции (см. выше: *Это картинка каждая!*), и перцепции. Так, в следующем примере осязательная перцепция предшествует рождению (зарождению) сентенции. [Тверь, жена с приятельницей, обеим за 60, говорят о машинах. Входит муж:] *Ой, девушки, какие вам машины? Диван пошире, одеялку помягче: чем больше дома, тем дольше живёшь!* (28.10.2012). Приведём ещё ряд примеров сентенций, построенных на сенсорике (зрительный, обонятельный модусы). [Женщина лет 40 с улыбкой сказала комплимент реализатору:] *Сам собой довольный! Никто ему не нужен!* [Заметила, что тот, похоже, обиделся] *Да я не против! Так прикольно со стороны смотреть!* (06.07.2014). [Женщины-реализаторы лет 38:] *Я вот делаю: 80 г соли и лимонная кислота. И вот это – огурцы! Откроешь – не надьшишься прямо!* (12.06.2014).

Рассмотрим теперь, что представляют собой по форме сентенции разговорного дискурса. Разумеется, говорящие нередко прибегают к общеязыковым сентенциям, например через использование бисубстантивной модели: А есть А [13, с. 5] (*Жизнь есть жизнь!*) в её психотерапевтической функции или к предельным обобщениям: *Всех понять можно!*

[Профессор из Азербайджана, женщина, на конференции в Казани:] *Лихачёв перевёл византийские, греческие тексты и приписал русской литературе. В МГУ плевались! <...> У нас Драйзера с русского (!) переводят на азербайджанский язык! Двенадцать томов. Но корректность есть корректность! Это не факт азербайджанской литературы!* (29.06.2012); [Женщина реализатор лет 36 о покупателях:] *Снят ещё! Сделали б выходной! В среду, например, все ларьки закрыты. Мы б отдохнули. Выходной значит выходной!* (06.10.2012); [Мужчины лет 50 на перроне:] *Его понять можно: сердечко не выдержало. – Всех понять можно. Зарплата, деньги...* (12.08.2012). [На планёрке:] *К 8 ноября пришлите, как наши исследования развивать в плане антропологии. Шекспир он и в Африке Шекспир! Через язык тоже хорошо ложится!* (22.10.2013). В полуспонтанной речи, то есть в выступлениях на совещаниях, встречаются сентенции, построенные по «опрокидывающейся» модели: А – это В, В – это А. Полагаем, это одна из разновидностей бисубстантивных предложений с контактной меной темы и ремы. [Ректор:] *Я пришёл сюда, чтобы намертво завязать этот узел: и с администрацией, и с предприятиями. Губернатор меня напутствовал: Университет – это область! Область – это университет! Я с ним полностью согласен! Нам надо выстраивать перспективы суперобразования!* (07.06.2012).

Среди разговорных сентенций немало вторичных, цитатных. Здесь важна интонация уважительности при транслировании полюбившейся мысли. «Но осмыслено только то, что осмыслено заново; восприятие смысла – всегда интерпретация, творчество, конструирование, создание нового, осмысление мира на свой лад; всякое смыслообразование есть иносказание» [11, с. 53]. Говорящий, как правило, не просто цитирует чью-либо сентенцию, но при этом выражает и своё к ней отношение, «продолжает» мысль, как далее в примере: *труды и болезни*. [Юбиляр, доцент, 80 л.:] *Я выросла без мамы, были две мачехи, это хорошая закалка. Мачеха мне говорила очень строго: «Твоё настроение никому не нужно!» Вы когда-нибудь видели моё плохое настроение?* (25.05.2012). [Доцент по телефону:] *Как в старину говаривали: до 70 лет – жизнь, после 70 – труды и болезни, но «болезни» – синоним труда, такое было значение!* (09.09.2012).

Большой интерес представляют метафорические сентенции, в которых образная новизна делает мысль запоминающейся, через обновлённую образную интерпретацию придаёт эвристичность самому рассуждению. [Учительница из Краснодарского края в гостях:] *Муж мне говорит: Ну, ты, такая училка, зануда! – А мы уже не видим себя! Опылились друг о друга!* (07.05.2012). Не менее выразительной, чем метафора, может стать и синекдоха, см. выше: *Мозгом можно всё!* В разговорных сентенциях наблюдаются следы такого тропа, как олицетворение. [Ученый секретарь подытоживает, успокаивая коллегу:] *«Аз есмь Бог, и аз воздам!» Мы переживаем, а небеса своё дело делают!* (25.11.2013).

Метафоры, олицетворения, гиперболы, эпитеты, сравнения, градации, сентенции-цитаты, «внешние» алогизмы и бисубстантивные предложения – всё это свидетельства, безусловно, влияния книжной культуры, свидетельство сохраняющейся литературоцентричности нации. В.В. Колесов предельно точно обрисовал процедуру рождения нового знания. «Но может ли философ говорить «понятно»? Услышав тишину, он должен сказать, а уж **понимать** – это наше дело. Схватить сознанием текущие образы и оправить их в содержательные формы, извлечь предметный смысл из представленных символов и выплавить из всего этого **понятие** и **термин** – вот что должен сделать каждый, кто серьёзно относится к своей профессии» [14, с. 126]. Носители языка не выплавляют из своих наблюдений понятий и терминов, но, как показывает собранный материал, они осуществляют интерпретацию системных событий, формулируя свои собственные умозаключения.

Выводы

Подведём некоторые итоги исследования «личностного знания», проявляющегося в изустной (акусматической) национальной культуре:

1. В разговорном дискурсе реплики-сентенции характеризуются свойствами парадоксальности, эвристичности, образности, тем самым соответствуя общему жанру афоризмов и афористических миниатюр;

2. Разговорные сентенции отражают черты национального менталитета и соответствующей профессиональной страты, на них накладываются гендерные и возрастные приметы. Вместе с тем разговорные максимы обнаруживают своеобразие в содержательном плане: подчиняясь диктату момента «здесь и сейчас», разговорные афоризмы даруют весьма неожиданные, актуальные выводы-указания, влияющие на понимание ситуации, направляемое от адресанта к адресату;

3. Разговорные итоговые заключения носят печать спонтанности, включая междометия, слова – заполнители пауз (хезитаты), недоговорённость, неполноту структуры;

4. Как и в художественных текстах, разговорная афористика весьма образна, она содержит метафоры и олицетворения, эпитеты и сравнения, многие из которых проходят по ведомству индивидуально-авторских;

5. Сложность сбора материала касается закрытости «разговора по душам», что пробуждает довольствоваться случайно услышанными репликами, во-первых, записями в ситуациях полуспонтанной речи (выступления, реплики на собраниях, на

процедуре защиты, на планёрках), во-вторых, и, в-третьих, шире использовать ситуации, когда участником диалога становится сам исследователь;

6. В период ослабленного влияния книжной культуры и ухода общения в сети Интернета исследовательское внимание к изустной, акустической культуре исключительно важно. Об этом свидетельствуют и сами носители языка, столь часто, как показало исследование, сохраняющие и, как эстафету, передающие своим собеседникам значимые и актуальные для того или иного момента сентенции и свои собственные, и своих знакомых;

7. Разговорная афористика требует не только сбора материала и его изучения, но и обязательного лексикографирования, в том числе в режиме электронных баз данных, поскольку этот материал по своей природе исчезающий, невосполнимый, вытесняемый новыми тенденциями и сентенциями живой жизни.

Список литературы

1. Харченко В. К. Как рождается афоризм? / В. К. Харченко // Литературная учёба – 1986. – № 4. – С. 193 – 196.
2. Кротков Е. А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С.170 – 180.
3. Сошников А.О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения: Автореф. дис. ... канд.филол.наук / А. О. Сошников. – Тверь, 2013. – 22 с.
4. Тарасенко Т. П. Словарь жаргона краснодарских школьников / Т. П. Тарасенко // Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – 220 с.
5. Шаталова Ю. Н. Словотворчество в повествовательной речи (структурно-семантический и функциональный аспекты): дис. ... канд.филол.наук / Ю.Н. Шаталова // Белгород, 2013. – 200 с.
6. Зубкова О. С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры: дис. ... д-ра филол. наук / О. С. Зубкова.– Курск, 2011. – 460 с.
7. Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 42 с.
8. Седов К. Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. – 320 с.
9. Лемякина Н. А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника: Монография / Н.А. Лемякина. – Воронеж, 2004. – 330 с.
10. Толмачёва С. Ю. Речевые жанры младшего школьника: Дис. ...канд. филол. наук / Толмачёва. – Воронеж, 2009. – 200 с.
11. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 46 – 57.
12. Харченко В. К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний / В. К Харченко. – М., 2013. – 192 с.
13. Асланова О. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения авторской характеристики типа персонажа в мемуарном тексте: автореф. дис. ...канд.филол.наук / О. А. Асланова. – М., 2013. – 25 с.
14. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб., 2002. – 448 с.

«PRIVATE KNOWLEDGE» AT THE SPACE OF ACUSMATICS CULTURE

V. K. Kharchenko

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:

wera_kharchenko@mail.ru

The article deals with the mechanism of rarely used expressive-measures of the modern spontaneous speech based on the material of colloquial utterances recorded in 2012-2014. The author puts emphasis on the impact of fiction works on colloquial discourse reflected in some models of maxims in a form of reasoning.

Keywords: colloquial discourse, speech genres, talk, acusmatics culture, metaphor.